

Д.А. БЕЛЯЕВ
(Липецк)

**«АНТИЧНЫЙ ВОПРОС» В
ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ
Ф. НИЦШЕ**

Анализируется специфика взглядов Ф. Ницше на культуру античной Греции, выясняется ее место в философско-культурологической концепции немецкого мыслителя с учетом его творческой эволюции.

В работах 1869 – 1876 гг. Ницше выстраивает величественную по размаху и трагическую по содержанию концепцию развития европейской культуры. Античность (в особенности греческая) занимает в ней особое место.

Философ, рассматривая культуру архаической Греции, выделяет в ней два начала – аполлоническое и дионисическое. Аполлоническое является отражением рациональности и порядка, а дионисическое есть воплощение естественных первичных инстинктов и абсолютной иррациональности [1]. Перманентное противоборство этих начал определяет все культурное развитие человечества. Ницше подробно рассматривает причины появления и особенности существования аполлонического и дионисического начал в рамках культуры Древней Греции, при этом особое внимание философ уделяет анализу специфики и прослеживанию генезиса античного искусства. Рассматривая его, Ницше приходит к ряду выводов, которые вступают в смелую конфронтацию с

устоявшимся в научной среде мнением о роли и значении некоторых ранее непрекаемых идей (критика «греческой веселости») и личностей (критика Сократа и Еврипида) античной эпохи [1: 66 – 67, 96 – 110].

Во многом именно поэтому культурологическая концепция немецкого мыслителя, впервые целостно изложенная им в «Рождении трагедии из духа музыки», была достаточно скептически воспринята в широких кругах научного сообщества. Особенно много вопросов у исследователей вызывало описание Ницше античного мира. Была развернута дискуссия о научности и исторической точности изображения Ницше реалий древнегреческого мира.

Самым яростным критиком немецкого философа был У. фон Виламовиц-Меллендорф. Он написал цикл рецензий на «Рождение трагедии» под общим названием «Филология будущего»¹, где в достаточно резкой и саркастической форме отзывался о работе Ницше [2]. У. фон Виламовиц-Меллендорф обвинил немецкого мыслителя в вольной интерпретации сущности древнегреческого искусства, а также в подражании «новалисо-шлегелевскому романтизму», приукрашенному общей музыкальной композицией [2: 244 – 255].

Даже учитель Ницше, профессор Ритчль, достаточно прохладно откликается на первую крупную работу своего любимого некогда ученика [3]. В итоге большая часть научного сообщества обвинила немецкого философа в вольной интерпретации реалий древнегреческого искусства, которую он пытался выдать за научную концепцию. Фактически именно данное рассмотрение античности стало причиной того, что немецкие филологи объявили Ницше «человеком, умершим для науки» (Там же: 97).

В рамках философии культуры и смежных с ней дисциплинах продолжилось обсуждение «античного вопроса» в философии Ницше. В связи с появлением самых разнообразных интерпретаций и вариантов прочтения философии немецкого мыслителя,

¹ В названии цикла рецензий «Филология будущего» присутствуют прямая насмешка, указание на вторичность и идейную зависимость работы Ницше от произведения Р. Вагнера «Музыка будущего».

теля, в особенности постмодернистского толка², меняется и плоскость рассмотрения ницшеанского исследования античной культуры. Если первых авторов интересовала степень достоверности и исторической точности представленного Ницше описания греческого мира, то теперь был поставлен более общий вопрос, предваряющий, а при определенном на него ответе – и снимающий с обсуждения первый вопрос. Исследователей теперь стали интересовать место и значение античного мира в творчестве Ницше. В итоге развернувшейся дискуссии сформировались две основные позиции по данному вопросу.

Согласно первой позиции, наиболее полно отраженной в статье Г. Гурауэра, философско-эстетическая теория Ницше является лишь путем, ведущим нас к исследованию и истинному познанию греческого мира [4]. Схожей точки зрения придерживается и А. Вольнский, замечая, что «Ницше делает несколько великолепных критических замечаний к произведениям Софокла и Эсхила» [5]. Помимо этого Ф.Ф. Зелинский утверждает, что Ницше является «проповедником античности», и вся его философия едина в своей устремленности к греческой архаике [6]. Также следует упомянуть А.Ф. Лосева, который сам, будучи одним из виднейших знатоков античности, называл «Рождение трагедии» «замечательным учением об античности» [7], а небольшая работа Ницше «О философах», на его взгляд, является одной из лучших работ по истории греческой философии [8]. То есть представители данного направления считают, что исследование античной культуры являлось непосредственной целью Ницше.

Однако приверженцы другой точки зрения утверждают, что в сущности весь «греческий мир» был взят Ницше как символ его собственной концепции. Данный взгляд особенно популярен в среде постмодернистского ницшеведения. Его разделяют такие

² См.: Фуко, М. Ницше, генеалогия, история / М. Фуко // Ницше и современная западная мысль: сб. ст. М., 2003; Его же. Археология знания / М. Фуко. Киев, 1996; Делез, Ж. Ницше и философия / Ж. Делез. М., 2003; Его же. Ницше / Ж. Делез. СПб., 1997; Деррида, Ж. Слухобиография: Учение Ницше и политика имени собственного / Ж. Деррида. СПб., 2002; Манн, П. Аллегории чтения / П. Манн. Екатеринбург, 1999.

авторы, как Ж. Делез, Г. Штатен и П. Слотердайк¹. Поддержка представителями постмодернизма этой концепции является элементом защиты и оправдания философии Ницше. Символизм «греческого мира» объясняет отсутствие строгости в историко-культурной реконструкции немецкого мыслителя. Античность, считают они, была интересна философу лишь как средство, ведущее нас к новой эстетической концепции, а значит, Ницше изначально и не стремился к исторической точности.

На самом деле данная точка зрения не нова и задолго до идеологов постмодернизма была высказана в российской науке. В частности, уже в конце XIX в. Н.Ф. Федоров говорил: «... целью труда Ницше было не объяснение прошедшего, не познание его; задачей этого труда было провозгласить новую культуру и вызвать ее появление» [9]. Данная традиция была продолжена и в советское время. Так, исследователь М.С. Коган называет всю культурологическую концепцию Ницше «мнимым историзмом», в ней, по мнению автора, больше поэзии, чем науки [10]. Одновременно М.С. Коган признает, что за «поэтическими формулами» «скрывалось интересное прозрение» об изначальности двух истоков художественной культуры.

Кто же прав? Можно ли относиться к ницшеанскому рассмотрению античности как к автономному научному исследованию или оно – лишь символ, красивая и эффектная, но одновременно сугубо формально взятая среда осуществления его собственных философских воззрений?

При ответе на этот вопрос следует исходить из эволюционности и внутренней семантической подвижности философии Ницше. Большинство неточностей, а подчас и серьезных ошибок в раскрытии идей немецкого мыслителя порождено игнорированием момента генезиса его мысли². Временной отрезок от первых юношеских публикаций до зрелых работ, написанных на грани безумия, составляет 20 лет (1869 –

1889 гг.), и за это время Ницше идейно эволюционировал. Что странно – сам факт наличия трех ярко выраженных этапов творческой эволюции философа признается практически всеми исследователями³, но при переходе к непосредственной реконструкции философии Ницше они странным образом «забывают» о каких бы то ни было этапах, что приводит к двум серьезным ошибкам. Характерными ошибками, в особенности для обобщающих исследований философии немецкого мыслителя, являются *игнорирование* и *смешение*.

Игнорирование есть вариант попытки целостной реконструкции как философии в целом, так и отдельных ее аспектов (например этика, эстетика и т.п.), при котором происходит замыкание рассмотрения предмета исследования в рамках одного из этапов творческой эволюции Ницше. *Смешение*, напротив, есть крайняя противоположность *игнорирования*, т.е. в данном случае имеет место некритическое использование разноэтапных идей немецкого мыслителя без учета контекста интеллектуальной среды их возникновения.

Возвращаясь к предмету нашего рассмотрения, а именно выяснению специфики ницшеанского исследования античности, можно с уверенностью констатировать, что в крайних точках зрения по данному вопросу имеют место разнонаправленные варианты *игнорирования* и *смешения*. Авторы, признающие самоценность ницшеанского исследования античности, в своем рассмотрении игнорируют содержание второго и третьего этапов развития философии Ницше, а их оппоненты приходят к собственным заключениям, смешивая идейные основания каждого из трех этапов, при этом во многом игнорируя существенные основания первого. Поэтому научно корректный и точный ответ на поставленный вопрос напрямую зависит от того, какой этап творчества Ницше мы рассматриваем.

³ См.: Zeitler, J. Nietzsche's Aesthetic / J. Zeitler. Leipzig, 1900; Верцман, И. Е. Эстетика Ницше / И.Е. Верцман // Проблемы художественного познания. М., 1967; Данто, А. Ницше как философ / А. Данто. М., 2001; Зелинский, Ф.Ф. Указ. соч. С. 945 – 947; Марков, Б.В. Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб., 2005; Трубецкой, Е.Н. Философия Ницше. Критический очерк // Вопр. философии и психологии. 1903. № 66. С. 1 – 36; № 67. С. 190 – 230; № 68. С. 256 – 290; № 69. С. 329 – 378.

¹ Слотердайк, П. Мыслитель на сцене / П. Слотердайк // Ницше Ф. Рождение трагедии. М., 2001. С. 545 – 713; Делез, Ж. Ницше / Ж. Делез. 1997; Staten, H. Nietzsche's voice / H. Staten. London, 1990.

² Здесь мы, безусловно, оставляем за скобками случаи намеренного искажения философии Ницше, как это случилось, например, в нацистской Германии в трудах А. Боймлера и А. Розенберга.

Зная юношеские научные увлечения Ницше¹, предмет его исследования во время учебы в университете², а также первые изыскания на преподавательском поприще³, можно с уверенностью говорить о его неподдельном интересе к культуре античности⁴. Итогом этого нарастающего интереса стало «Рождение трагедии ...».

В подтверждение того, что греческая античность являлась самодостаточной целью ницшеанского исследования, можно вспомнить слова, сказанные философом спустя 15 лет после издания «Рождения трагедии ...». Ницше сожалеет, что «испортил себе грандиозную *греческую проблему*, как она тогда возникла передо мною, примесью современных вещей» [11]. То есть он хотя и признает, что не смог в полной мере воплотить свой замысел, но между тем однозначно указывает на то, что его конечной целью была именно «грандиозная греческая проблема». В последние годы творчества Ницше неоднократно возвращается к своим ранним работам, комментируя их. И везде немецкий мыслитель подчеркивает значимость «греческого мира» для его научно-философских изысканий⁵. Очевидные же пробелы в своей философско-культурологической реконструкции Ницше объясняет тем, что он всегда опускал «подробное изложение всех возможных традиционных положений» [12] и рассматривал лишь характерное и ключевое в эпохе, философии или явлении.

¹ Во время учебы в Пфорте Ницше изучал классические языки, читал Эсхила и Платона, страстно увлекался Гельдерлином.

² Учась в Лейпцигском университете, Ницше изучает творчество Фюгенида, а также пишет работу, посвященную анализу текстов Диогена Лаэртского, итогом чего становится его назначение на должность профессора классической филологии в Базельском университете.

³ Вступительная университетская речь «О личности Гомера» (впоследствии опубликована под заглавием «Гомер и классическая филология»). Доклады «Греческая музыкальная драма» и «Сократ и трагедия», статья «Флорентийский трактат о Гомере и Гесиоде».

⁴ См.: Галеви, Д. Указ. соч.; Холлингдейл, Р. Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души / Р. Холлингдейл. М., 2004; Свасьян, К.А. Хроника жизни Ницше / К.А. Свасьян // Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше. М., 1990. Т. 2. С. 813–828.

⁵ Ницше, Ф. Эссе Номо. Как становятся самими собой / Ф. Ницше // Указ. соч. Т. 2. С. 728–732; Ницше, Ф. Черновики и наброски 1885–1887 гг. / Ф. Ницше // Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 2005. Т. 12. С. 104–105.

Конечно, содержательно ницшеанская реконструкция античной культуры небесспорна, и здесь можно согласиться с А.Ф. Лосевым, который, признавая ценность идей немецкого философа именно как исследователя античности, все же вынужден был констатировать, что «в концепции Ницше слишком сильно бьется западная романтическая душа» [7: 970]. Но это не отменяет общего стремления немецкого мыслителя на первом этапе его творческой эволюции к изучению именно греческой античности без ее намеренной символизации.

Иную картину мы можем наблюдать у Ницше позднее. В сущности, в работах второго и третьего этапов нет целенаправленного развернутого обращения к античности. Сосредоточив свое внимание на критике современной культуры и созидании проекта преодоления декаданса, Ницше лишь спорадически обращается к отдельным феноменам культуры Древней Греции. И вот здесь уже, безусловно, архаика подчиняется решению современных для немецкого мыслителя проблем. Древнегреческий мир становится областью рождения идеала, который должен найти свое полное воплощение в будущей новой культуре. Вследствие этого Ницше искажает свое же созданное в «Рождении трагедии ...» представление об античности, теперь оно мифологизируется и семантически сужается до выделения одного движущего начала (дионисического), которое и формирует всю культуру архаической Греции.

Некогда (на первом этапе) немецкий философ, во многом обоснованно, выделил аполлоническое и дионисическое начала основными и равноценными движущими силами, формирующими древнегреческое искусство [13]. Теперь же, вследствие смещения акцентов в его философии в сторону естественно-природного и иррационального начал, Ницше сосредоточивает свое внимание именно на дионисическом как ведущем начале, формирующем сверхчеловеческую культуру. Поэтому теперь, ссылаясь на культуру архаической Греции, Ницше ука-

⁶ Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 141–156; Его же. По ту сторону Добра и Зла / Ф. Ницше // Указ. соч. Т. 2. С. 379–405; Его же. Эссе Номо / Ф. Ницше // Указ. соч. Т. 2. С. 743–754.

зывает на доминирование в ней именно дионисического начала [14], тем самым философ в попытке показать генеалогию своего проекта преодоления европейского декаданса использует античность как мифологизированный символ лучшей реальности.

Из всего вышесказанного видно, что на первом этапе творческой эволюции Ницше присутствовала определенная автономность в изучении античного мира. Древнегреческая архаика была самостоятельным объектом исследования немецкого философа. Позднее (условно с 1876 г.) заметно, что культура Древней Греции становится лишь необходимой (во многом идеальной) точкой отсчета для анализа и критики Ницше современной культуры. Вследствие чего античность перестает быть предметом непосредственного рассмотрения и в раскрытии сущностных оснований подчиняется новым задачам философии немецкого мыслителя.

Литература

1. Ницше, Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 59–62.
2. Виламовиц-Мёллендорф, У. фон. Филология будущего / У. фон Виламовиц-Мёллендорф // Рождение трагедии / Ф. Ницше. М., 2001. С. 242–278.
3. Галеви, Д. Жизнь Фридриха Ницше / Д. Галеви. СПб. – М., 1991. С. 86–89.
4. Гурауэр, Г. Рецензия в «Ежегоднике по филологии и педагогике» / Г. Гурауэр // Рождение трагедии / Ф. Ницше. М., 2001. С. 386–410.
5. Вольнский, А. Литературные заметки: Аполлон и Дионис / А. Вольнский // Ницше: pro et contra. СПб., 2001. С. 182.
6. Зелинский, Ф.Ф. Фридрих Ницше и античность / Ф.Ф. Зелинский // Ницше: pro et contra. СПб., 2001. С. 945.
7. Лосев, А.Ф. Фр. Ницше / А.Ф. Лосев // Ницше: pro et contra. СПб., 2001. С. 961.
8. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. М., 1993.
9. Федоров, Н.Ф. Черный пророк и черный царь / Н.Ф. Федоров // Философия общего дела: в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 255.
10. Коган, М.С. Морфология искусства / М.С. Коган. Л., 1972. С. 108.
11. Ницше, Ф. Опыт самокритики. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // Указ. соч. Т. 1. С. 54.

12. Ницше, Ф. О философах / Ф. Ницше // О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во внеэтическом смысле. М. – Минск, 2005. С. 225.

13. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм / Ф. Ницше // Указ. соч. Т. 1. С. 59.

14. Ницше, Ф. Ессе Homo / Ф. Ницше // Указ. соч. Т. 2. С. 728–732.